

ГЛАВА IV

Л. П. Крысин

ИНОЯЗЫЧНОЕ СЛОВО В КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Один из наиболее живых и социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи — процесс активизации употребления иноязычных слов. Надо говорить именно о активизации употребления этих слов, а не только о новых заимствованиях, поскольку наряду с появлением заимствований-неологизмов наблюдается расширение сфер использования специальной иноязычной терминологии, относящейся к экономике, финансам, коммерческой деятельности и некоторым другим областям.

В этом разделе мы рассмотрим (1) условия, благоприятствующие вхождению иноязычного лексического элемента (нового для русского языка в целом или бывшего до сих пор в специальном употреблении) в общий оборот; (2) причины, по которым то или иное слово либо остается в языке-реципиенте, либо, после некоторого периода активности, уходит на периферию языкового употребления; (3) особенности функционирования иноязычной лексики в современной письменной (преимущественно — газетно-публицистической) и устно-разговорной речи.

Традиционные для исследований, посвященных иноязычной терминологии, аспекты, касающиеся источников заимствованных слов, их терминологии, здесь специально не выделяются, поскольку, во-первых, идет преимущественно о «свежих» заимствованиях и поэтому их терминологизация не представляет больших трудностей, и, во-вторых, подавляющее большинство иноязычных слов заимствуется сейчас из английского языка, и вопрос о вероятности какого-либо другого языкового источника заимствования в большей части случаев не возникает.

Условия активизации употребления
иноязычной лексики

Традиционно главным условием заимствования иноязычных слов является наличие контакта языка-реципиента с языком-источником

как следствие этого, двуязычие говорящих [см.: Weinreich 1963; Sulan 1963, Сорокин 1965; Крысин 1968 и др.].

Однако двуязычие — эту предпосылку, это условие заимствования — не следует понимать только как результат территориального контакта двух соседних (или живущих вперемешку друг с другом) народов, в особенности если иметь в виду современные процессы заимствования, когда основным путем перехода слов из одного языка в другие является путь письменный (через разного рода тексты). Такие виды речевой деятельности, как чтение, перевод и комментирование иностранной прессы, научной и публицистической литературы, участие в международных конференциях, конгрессах, симпозиумах, общение в процессе разработки совместных международных технических и научных проектов и т. п., создают благоприятную почву для заимствования иноязычной лексики и терминологии.

Но это лишь одна сторона дела. Другая заключается в том, чтобы общество, обслуживаемое языком, осуществляющим заимствование, было расположено к принятию иноязычных средств коммуникации. Если этого условия нет, то иноязычное слово — потенциальное заимствование — может какое-то (иногда весьма длительное) время оставаться в уделом узкого круга лиц (например, дипломатов, ученых, переводчиков и др.). Более того: общество, в лице наиболее влиятельных его слоев, в силу тех или иных социальных, политических, идеологических и т. п. причин, может отнестись резко отрицательно к актам заимствования и путем сознательных, целенаправленных усилий попытаться освободить речевую практику от тех или иных иноязычных слов. Так, в конце 40-х годов, в связи с борьбой «против низкопоклонства перед Западом» не только не принимались новые лексические заимствования, но и изгонялись из употребления многие уже укоренившиеся в русском языке иноязычные слова. Иноязычное в данном случае ассоциировалось с идеологически чуждым, непатриотичным, даже враждебным [см. об этом: Крысин 1968, 138—141].

Начиная с 60-х годов отношение к иноязычным словам стало более терпимым. В конце же 80-х — начале 90-х гг. возникли такие политические, экономические и культурные условия, которые определили предрасположенность российского общества к принятию новой и широкому употреблению ранее существовавшей, но специальной иноязычной лексики.

Осознание своей страны как части всего цивилизованного мира; преобладание интегративных, объединительных тенденций над тенденциями, отражавшими противопоставление советского общества и

советского образа жизни западным, буржуазным образцам; переоценка социальных ценностей и смещение акцентов с классовых и партийных приоритетов на общечеловеческие; наконец, открытая ориентация Запад в области экономики, политической структуры государства, областях культуры, спорта, торговли, моды и др. — все эти процессы и тенденции, характерные для русского общества второй половины 80-х — 90-х годов, несомненно, послужили важным стимулом, обильным активизацию употребления иноязычной лексики.

Особенно наглядно это можно проиллюстрировать сменой названий в структурах власти: верховный совет стал устойчиво — а в качестве журналистской перифразы — именоваться *парламентом*, совет министров — *кабинетом министров*, его председатель — *премьер-министром* (или просто *премьером*), а заместители — *вице-премьерами*; в городах появились *мэры, префекты, супрефекты*, советы утратили место *администрациям*, главы администраций обзавелись своими *пресс-секретарями и пресс-атташе*, которые регулярно выступают на *пресс-конференциях*, рассылают *пресс-релизы*, дают *эксклюзивные интервью* и т. д. (Г. Н. Скляревская называет это явление «переносом номинаций из чуждой лингвистической среды на русскую» — см.: [Скляревская 1991, 258]).

Распад Советского союза означал, в частности, и разрушение основной части преград, стоявших на пути к общению с западным миром. Активизировались деловые, научные, торговые, культурные связи, цвел зарубежный туризм, в том числе и так называемые *шоп-туры* — поездки за границу за товаром; обычным делом стала длительная работа наших специалистов в учреждениях других стран, функционирование на территории России совместных — русско-иностранных предприятий. Очевидным образом это означает интенсификацию коммуникативных контактов носителей русского языка с носителями других языков, что является важным условием не только для непосредственного заимствования лексики из этих языков, но и для приближения носителей русского языка к интернациональным, а чаще — созданным на базе английского языка идиолектам, принятым в той или иной профессиональной среде: ср., например, профессиональные «языки» специалистов по вычислительной технике, коммерсантов, спортсменов, специалистов в области моды, музыкантов, политиков, журналистов, деятелей кино, театра и др. (перечисление дано по убыванию степени ценности соответствующего «языка» иноязычными заимствованиями). Чем больше вовлечена та или иная сфера деятельности в международное сотрудничество, в более или менее длительные международные

контакты, тем более открыта лексика и терминология этой сферы иноязычным инновациям.

Так, специалисты в области компьютерной техники и работающие на ЭВМ используют для профессиональных коммуникативных нужд почти исключительно английскую терминологию: *компьютер, дисплей, файл, интерфейс, бит, байт, плоттер, дигитайзер, винчестер, принтер* и др. Многие из этих терминов широко используются и за пределами профессиональной среды, в неспециальных текстах.

В области спорта, где традиционно был высок процент английских по происхождению терминов, появились многочисленные названия новых видов спорта, также по большей части английские: *виндсерфинг, скейтборд, фристайл, бобслей, ски-стрим* (спуск на лыжах с очень крутых, скалистых и местами не заснеженных гор), *армрестлинг* («борьба на руках») и др., да и в старых системах наименований англицизмы пробивают все новые бреши: добавочное время — в футболе, хоккее — теперь все чаще называется *овертайм*, повторная игра после ничьей — *плей-офф*; даже традиционное *боец* заменяется *файтером* — потому что это слово пришло вместе с другими, составляющими терминологию нового вида спортивного единоборства — *кикбоксинга*; ср.: Само собой, наши *файтеры* (так называют иначе *кикбоксеров*) постарались не ударить лицом в грязь перед именитым заокеанским гостем...; Мэтр показал, что не ожидал увидеть настолько хорошо подготовленных российских *файтеров* (Сегодня, 21.12.93).

Многочисленные финансовые и коммерческие термины: *бартер, брокер, ваучер, дилер, дистрибьютер, инвестор, клиринг* (система взаимных расчетов между банками), *лизинг* (сдача в долгосрочную аренду), *маркетинг, монетаризм, фьючерсные кредиты* и т. п. — заимствуются и входят в употребление также благодаря некоторым из отмеченных выше условий: ориентации на западную экономическую и банковскую системы и приобщению русских финансистов и коммерсантов к интернациональной терминологии. А ввиду острой общественной актуальности обозначаемых этими терминами явлений и сами термины выходят за пределы профессионального словоупотребления и широко используются в печати, на радио и телевидении.

Активное освоение иноязычной лексики и терминологии характерно и для остальных из перечисленных выше сфер: ср., например, слова и термины типа *имидж, консенсус, саммит* (встреча в верхах), *электорат* (совокупность избирателей), *спонсор* (первоначально — лицо или организация, финансирующее творческую деятельность артистов), *индеграунд* (нетрадиционное, «подпольное» искусство), *римейк* (новая версия известного фильма), *триллер* (остросюжетный фильм, остросю-

жетная книга, рассчитанные на то, чтобы захватить, взволновать читателя, — от англ. to thrill 'сильно волновать, возбуждать', *видео, шоу* и многочисленные их производные: *видеоклип, видеосъемка, видеокассета, видеоман, шоу-бизнес, шоумен, ток-шоу* и т. п. *топ-модель* (от англ. top — 'наивысший, самый главный') — модель (о манекенщицах), *бутик* (франц. boutique 'лавка, небольшой магазин') — магазин модной одежды, *хит* (англ. hit 'успех, удача, программа') — модное, наиболее популярное музыкальное произведение (ср. ранее заимствованное *шлягер* 'модная песенка'), *гранж-рокотекка, диск-жокей, кантри и кантри-мьюзик* — фольклорные явления в американской музыке, а также популярный стиль современной легкой музыки (англ. country букв. 'сельский, деревенский'), названия модных танцев типа *брейк, степ, ламбада, липси* и т. п. (при употреблении некоторых из этих слов будут приведены ниже).

Причины иноязычного заимствования

Представив в разделе «Условия» своего рода экспозицию нововведений в любом случае, для литературного языка — иноязычной лексики, рассмотрим теперь причины и факторы, способствующие вхождению слова в употребление и последующему укоренению его в языке (или, напротив, вытеснению его на периферию речевого употребления).

Общие причины заимствования иноязычной лексики достаточно хорошо известны. Это:

— потребность в наименовании (новой вещи, нового явления и т. п.); ср. слова типа *кино, радио, такси, магнитофон, транзистор, компьютер* и мн. др.;

— необходимость разграничить содержательно близкие, но различающиеся понятия; ср., например, пары слов типа *уют — комфорт, страх — паника, обслуживание — сервис, сообщение — мафия* и под.;

— необходимость специализации понятий — в той или иной мере, для тех или иных целей; ср., например, пары типа *предупредительный — превентивный, вывоз — экспорт, преобразователь — трансформатор* и под., эвфемистические, вуалирующие замены; ср., например, в области анатомии, физиологии, медицины (*педикюль — вишность, канцер* вместо *рак, гениталии* вместо *половые органы, анус* вместо *задний проход* и т. п. — подробнее об этом см. в разделе «Эвфемизмы»);

— тенденция к соответствию нерасчлененности, цельности обозначаемого понятия с нерасчлененностью обозначающего: если об-

именования представляет собой одно целое (или, по крайней мере, оно воспринимается как одно целое мыслится носителями языка), то говорящие стремятся обозначить его одним словом, а не словосочетанием, или же заменить оптимальное наименование однословным; так появились в русском языке слова типа *снайпер* (по-русски: меткий стрелок), *стайер* (бегун на длинные дистанции), *спринтер* (бегун на короткие дистанции); *сейф* (несгораемый шкаф), *сервант* (шкаф для посуды) и мн. др.;

— наличие в заимствующем языке сложившихся систем терминов, обслуживающих ту или иную тематическую область, профессиональную сферу и т. п. и более или менее единых по источнику заимствования этих терминов: если такие системы есть, то вхождение в язык и закрепление в узусе новых заимствований, относящихся к той же сфере, вытекающих из того же источника, облегчается; наглядный пример — область обозначений, обращающаяся в вычислительной технике: эта область обростаёт все новыми иноязычными (английскими по происхождению) номинациями, в том числе и мало оправданными с точки зрения коммуникативных потребностей (ср., например, замену слова *пользователь* термином *юзер* (англ. user) — в профессиональном языке программистов);

— социально-психологические причины и факторы заимствования: престижность — всем коллективом говорящих или его частью — иноязычного слова как более престижного (по сравнению с исконным), «ученое», «красиво звучащее» и т. п. Вообще, по-видимому, можно говорить о некоей отмеченности, выделенности иноязычного слова не только в языке (ср. признаки иноязычности типа начальной буквы «а», склоняемости существительных и т. п.), но и в сознании говорящих: в первых, иноязычное слово связано с книжностью — книжной культурой, книжным стилем языка, книжной стилистической окраской; во вторых, вследствие иноязычности, «непрозрачности» формы смысл для многих говорящих нередко оказывается как бы зашифрованным, непонятным; в то же время (в-третьих) эта непонятность служит фактором недоступной учености, почему и речь, содержащая иноязычные слова, часто расценивается как социально престижная².

Другим, также социально-психологическим по своей природе, фактором заимствования и активного вхождения иноязычного слова в речь является коммуникативная актуальность обозначаемого понятия. При этом на разных этапах развития одного и того же понятия такая актуальность может быть различной: ср. с этой точки зрения марксистскую терминологию типа *материализм, коммунизм, диктатура, диктатура* и т. п., которая в течение ряда десятилетий была в поле социального внимания (во всяком случае, официального),

а теперь потеряла свою актуальность; с другой стороны, слова, до недавнего времени подозрительные или просто враждебные по своей идеологической сущности, типа *плюрализм*³, *приватизация*, *антикоммунизм* и т. п., стали коммуникативно актуальными и употребительными в нейтральных и даже положительных контекстах.

Перечисленные причины и факторы воздействуют (в разной степени) и на процесс освоения русским литературным языком новой иноязычной лексики в конце 80-х — начале 90-х годов⁴.

Это можно показать на ряде примеров.

1) Потребность в наименовании новой вещи, нового понятия: *автобан* (нем. Autobahn) 'широкая магистраль с высококачественным дорожным покрытием для скоростного движения автомобилей'; слово применяется пока преимущественно по отношению к зарубежной действительности, поскольку в России таких магистралей нет или очень мало;

блейзер (англ. blazer) 'особого покроя приталенный пиджак'; ср. также названия других модных видов одежды: *леггинсы* (англ. leggings < leggy 'длинноногий' < leg 'нога (от бедра до ступни)') — 'облегающую ногу тонкие женские рейтузы', *слаксы* (англ. slacks 'широкие брюки') — вид мужских молодежных брюк, *бюстье* (франц. bustier) — 'бюстгальтер без бретелек') и др.;

гамбургер (англ. hamburger — от названия одного из американских городов — Гамбург, где впервые начали делать подобные бутерброды) — 'мягкая, часто теплая булочка, разрезанная надвое, с бифштексом и луком (или другими овощами) в середине' (ср. с ранее заимствованными *бутерброд* и *сендвич*);

грант (англ. grant 'дар; дотация, субсидия'; grants 'стипендия') — 'денежное пособие, выдаваемое специальными фондами и предназначенное для материального обеспечения научных исследований' (ср. с ранее заимствованными *пенсия*, *стипендия*, *дотация*, *субсидия*; *субвенция*);

дайджест (англ. digest 'краткое изложение') — 'особый вид журнала, содержащий в сокращении наиболее интересные материалы из других изданий' (ср. другие иноязычные наименования, содержащие в своих значениях компонент 'краткое изложение': *абстракт*, *аннотация*, *конспект*, *реферат*, *резюме*, *тезисы*);

дартс (англ. dart 'метание дротика') — 'спортивная игра, состоящая в метании стрелок-дротиков в размеченную мишень';

дианетика (англ. dianetics — от греч. dianeō 'преодолеваю') — разработанная американским ученым Л. Ронем Хаббардом наука о душевном здоровье;

зомби (из языков острова Гаити) — 'лишенный души, умерший, но затем воскресший человек, слепо подчиняющийся воле других';

скэйтборд (англ. skate-board от to skate 'кататься, скользить' и board 'доска') — 'небольшая продолговатая доска на четырех роликах для спортивного катания и развлечения, а также соответствующий вид спорта';

скок, *скотч* (от англ. scotch 'надрез') — 'прозрачная клейкая лента для упаковки в виде небольшого рулона, от которого отрезается необходимая часть' (ср. *лейкопластырь*);

транссексуал (< лат. trāns 'через' + sexuālis 'связанный с полом') — 'человек, изменивший (путем хирургической операции) свой пол на противоположный';

телефакс, сокращенно *факс* (англ. telefax от tele(phone) + fax(imile) 'факсимиле, факсимильный') — 'особый — факсимильный — тип телефонной связи, а также аппарат с печатающим устройством, обеспечивающий такую связь' (ср. *телефон*, *телеграф*);

хоспис (англ. hospice 'приют; богадельня') — 'больница для безнадежных больных, где создаются условия для того, чтобы человек перед смертью испытал как можно меньше страданий';

эвтаназия (греч. euthanasia < eu 'хорошо, хороший' и thanatos 'смерть') — 'облегчение агонии, умирания тому, кто обречен, кого нельзя вылечить'.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие из приведенных примеров могут быть интерпретированы в связи с иными причинами и факторами, обуславливающими иноязычное заимствование, — например, как отражающие тенденцию к дифференциации или специализации понятий (*автобан*, *блейзер*, *гамбургер*, *грант* и др.). Это объясняется тем, что указанные выше причины и факторы, способствующие освоению слова языком, действуют, как правило, комплексно, во взаимодействии друг с другом; однако при этом какой-либо один фактор является определяющим, ведущим — и это дает основание для выделения разных групп иноязычных слов (с точки зрения причин их заимствования).

2) Необходимость в разграничении понятий или в их специализации; заимствования, появление которых обусловлено этими факторами, особенно многочисленны в специальных терминологиях (но не только в них). Ср. следующие примеры:

визажист (от франц. visage 'лицо') — 'дизайнер или художник по макияжу, мастер косметического и живописного украшения лица' (ср. с ранее заимствованными *дизайнер*, которое в своем значении не содержит указания на какой-то определенный объект деятельности

человека, обозначаемого этим словом, и *гример*, которое в своем значении содержит указание на иной объект: 'лицо актера' и иную цель: не для украшения, а для создания определенного внешнего облика);

гешефт (нем. Geschäft 'дело') — 'выгодное дельце, махинация'; ср. со словом *бизнес*, в значении которого негативный оценочный компонент отсутствует;

гран-при (франц. grand prix 'главный приз') — 'высшая награда на фестивале, конкурсе и т. п.'; необходимость в этом наименовании появилась в связи с тем, что помимо традиционных премий, различавшихся порядковым номером (первая, вторая, третья), с недавних пор стал учреждаться высший, главный приз (ср. похожую ситуацию с сортами: помимо первого, второго и третьего сорта существует сорт *экстра*, стоящий на вершине сортовой иерархии);

имидж (англ. image 'образ') — 'целенаправленно создаваемый образ кого-н., призванный выражать определенные свойства субъекта и тем самым оказывать психологическое, эмоциональное воздействие на зрителей, собеседников, слушателей' (ср. *имидж актера, политика, телевизионного ведущего* и т. п.) — это значение явно более специфично, чем значение слов *образ, облик*;

инсталляция (англ. installation, франц. installation 'установка, оборудование') — слово, появившееся для обозначения нового типа произведений изобразительного искусства, и тем самым оно должно было попасть в первую группу иноязычной лексики; однако главной причиной его появления в языке послужила необходимость отличить этого рода произведения, с одной стороны, от плоскостных (картин, офортов, эстампов и т. п.), а с другой — от объемных, но имеющих принципиально иной характер (скульптур), поскольку инсталляция предполагает использование в качестве материала разного рода бытовых предметов, деталей машин, приборов и т. п.;

киллер (англ. killer < to kill 'убивать') — слово, как будто бы в точности дублирующее семантику русского *убийца*, однако в русском языке *киллер* обозначает профессионального убийцу, убийцу-наемника, ср.: Прессу захлестнула волна публикаций о заказных убийствах и киллерах (Российская газета, 02.03.94);

плейер (англ. player — от to play 'играть') также кажется полным синонимом русскому *проигрыватель*, однако эта синонимия — лишь «этимологическая»; в действительности это разные устройства: *проигрыватель* — аппарат для воспроизведения музыки и речи, записанных на пластинках, а *плейер* — разновидность компактного магнитофона с наушниками (в молодежном жаргоне это устройство имеет довольно выразительное обозначение — *дебильник*);

ремейк, в ином — фонетическом — написании *римейк* (англ. remake 'переделка') — 'новая кинематографическая интерпретация сюжета, мотивов уже снятого раньше и бывшего в прокате фильма', ср.: «Палач из Касабланки» — *ремейк* знаменитой «Касабланки» Майкла Картиса... (Сегодня, 21.12.93); Василий Шукшин был бы приятно удивлен, что его фабула так понравилась героям «Пути Карлито»... Конечно, это не *римейк* «Калины красной», и Карлито далеко не шукшинский герой, но и здесь схожие мотивы (Вечерний клуб, 1994, № 41—42); русский перевод *переделка* был бы в данном случае неточен.

Для того, что обозначается сейчас немецким по происхождению словом *полтергейст* (нем. Poltergeist 'грохочущий дух'), издавна существует исконно русское наименование *домовой*. Но это не синонимы: *полтергейст* более специфично по смыслу, так как обозначает не всякого домового, а лишь такого, который проявляет себя шумом, стуком, перемещением предметов и т. п.

Появившееся в середине 80-х годов слово *спонсор* влилось в ряд иноязычных по происхождению наименований, имеющих сходное (но не тождественное) значение: *меценат* — *импресарио* — *антрепренер* — *продюсер*. *Спонсором* первоначально обозначали лицо или организацию, которые оказывают финансовую поддержку творческой деятельности артистов, музыкантов, художников; затем объект спонсорской деятельности стал пониматься более широко (ср. *спонсор соревнований, телевизионной программы, конференции, издания книг* и т. п.), но компонент 'оказывает финансовую поддержку' сохранился. В других словах указанного ряда этот компонент не представлен в явном виде (как часть толкования): *меценат* в словарях толкуется как 'богатый покровитель наук и искусств; вообще тот, кто покровительствует какому-н. делу, начинанию', *импресарио* — 'предприниматель или агент — устроитель концертов, зрелищ', *антрепренер* — 'частный театральный предприниматель'⁶, — или же представлен иначе: *продюсер* — 'доверенное лицо кинокомпании, осуществляющее идейно-художественный и организационно-финансовый контроль за постановкой фильма'⁶ (ср. компоненты 'организационно-финансовый контроль' и 'финансовая поддержка').

В последнее время этот ряд пополнился еще одним словом — *промоутер*, которое, правда, употребляется (пока?) главным образом в профессиональной среде деятелей кино, кинокритиков и др. *Промоутер* (англ. promoter букв. 'тот, кто способствует чему-л.') — 'лицо, помогающее, способствующее созданию, организации промышленного или финансового предприятия путем подыскивания вкладчиков денежных средств'⁷.

Как видим, слова, образующие указанный квазисинонимический ряд, имеют достаточно легко выявляемые семантические различия.

3) Тенденция к установлению соответствия между нерасчлененностью объекта⁸ и одноэлементностью его наименования, то есть, иначе говоря, тенденция к замене словосочетаний однословными наименованиями.

В этом случае происходит как бы заполнение пустой ячейки, которой соответствует определенный смысл, но означающее — в виде отдельного слова — отсутствует (вместо этого употребляется описательный оборот).

Например, слово *йти* заменяет словосочетание *снежный человек* (объект, который мыслится, конечно, как нечто единое). Спортивный термин *овертайм* (который в английском языке образован из сочетания двух слов: *over* 'сверх' и *time* 'время; тайм') заменяет оборот *добавочное время*, который имеет терминологический смысл: он обозначает определенный отрезок времени, предоставляемого командам для выявления победителя (заметим, что *овертайм* к тому же как бы дополняет собой пары обозначений со словом *тайм*: *первый тайм* — *второй тайм* — *овертайм*).

Слово *саммит* обозначает встречу в верхах, то есть на высшем правительственном уровне; *таблэйдом* (англ. *tabloid*) журналисты иногда называют бульварную газету; вошедшее в спортивный обиход слово *армрестлинг* (от англ. *arm* 'рука' и *wrestling* 'борьба') обозначает вид единоборства, который издавна известен и в России: это «борьба на руках», когда садящиеся друг против друга соперники ставят согнутые в локте руки на стол, сцепляются пальцами и стараются прижать руку соперника к поверхности стола; *армрестлинг* — однословное наименование такой борьбы как вида спорта, до заимствования англицизма существовало лишь описательное ее обозначение.

Трудное для русской морфологии слово *ноу-хау* (англ. *know-how* букв. 'знать, как') обозначает *новые, передовые технологии* производства чего-либо; словом *хайджекер* (англ. *hijacker*) обозначают *угонщика самолета*; словом *электорат* — *совокупность избирателей* (данного кандидата или данного округа)⁹ и т. д.

4) Наличие в языке сложившихся систем терминов, более или менее однородных по источнику их происхождения. Классический пример — уже упоминавшаяся терминология вычислительной техники, которая сложилась на базе английского языка; она легко пополняется новыми терминами английского происхождения. То же следует сказать о спортивной терминологии (примеры см. выше), а также о лексике некодифицированных подсистем языка — таких, как жаргоны нарко-

манов, проституток, хиппи, музыкантов-лабухов, «челноков» и др.: здесь преобладают англицизмы или кальки с английского (см. материал, свидетельствующий об этом, в словарях [Грачев, Гуров 1989, Елистратов 1994, Рожанский 1992, Файн, Лурье 1991]).

Вообще влияние лексики английского языка (главным образом в его американском варианте) на русский язык наших дней является преобладающим, в сравнении с влиянием других языков.

5) Социально-психологические причины.

5.1. *Престижность иноязычного слова* по сравнению с исконным или ранее заимствованным и обрусевшим. Как кажется, этот фактор оказал определенное влияние на активизацию употребления таких слов, как *презентация* (вместо *представление*), хотя здесь имеется и некая семантическая причина; *презентация* — это торжественное представление чего-либо (фильма, книги и т. п.); *эксклюзивный* (вместо *исключительный*), которое, правда, легче укладывается в некоторые контексты, чем его русский синоним: ср. *эксклюзивное интервью* при сомнительности *исключительное интервью*, — и это обстоятельство, по-видимому, влияет на живучесть иноязычного слова; *консалтинг* — в контекстах типа «Фирма осуществляет консалтинг» — вместо более обычного, русифицированного, хотя и образованного от той же иноязычной основы слова *консультирование*, и нек. др.

Большая социальная престижность иноязычного слова, по сравнению с исконным, вызывает иногда явление, которое может быть названо *повышение в ранге*: слово, которое в языке-источнике именуется обычным объектом, в заимствующем языке прилагается к объекту, в том или ином смысле более значительному, более престижному и т. д.

Так, французское слово *boutique* значит 'лавочка, небольшой магазин'; будучи заимствовано русским языком, оно приобретает значение 'магазин модной одежды'; примерно то же происходит с английским *шоп*: в русском языке название *шоп* приложимо не ко всякому магазину, а лишь к такому, который торгует престижными товарами (обыкновенный продмаг *шопом* никто не назовет); *слаксы* — это не просто 'широкие брюки' (как в английском), а 'модные широкие брюки особого покроя'. Английское *hospice* 'приют, богадельня' превращается в *хоспис* — дорогостоящую больницу для безнадежных больных с максимумом комфортных условий, облегчающих процесс умирания. Итальянское *putana* 'шлюха, потаскуха' дает в русском *путану* — 'валютную проститутку' и т. д.

5.2. Коммуникативная актуальность понятия и соответствующего ему слова. Очевидно, что если понятие затрагивает жизненно важные интересы многих людей, то и обозначающее его слово становится употребительным. Эта закономерность верна в отношении любых слов, но применительно к иноязычным словам она проявляется особенно рельефно, поскольку здесь добавляется еще фактор социальной престижности иноязычного наименования.

Иноязычные слова, обозначающие коммуникативно важные понятия, попадают в зону социального внимания: в определенные периоды — обычно довольно короткие — их частотность в речи становится необычайно высока, они легко образуют производные, а главное — делаются объектом сознательного употребления и связанных с этим обыгрываний, каламбуров, структурных переделок и т. п.

В этом можно убедиться на примере слов *приватизация*, *демократы*, *ваучер* и нек. др. В начале 90-х годов эти слова чрезвычайно популярны, употребительны в самых разных жанрах (хотя, например, *приватизация* и *ваучер* в совсем недавнем прошлом — специальные коммерческие термины). Они дают множество производных и употребляются «в связке» с однокоренными словами: *ваучерный*, *ваучеризация*, *приватизировать*, *приватизированный*, *приватизатор*, *деприватизация*; их намеренно искаженная форма используется для снижения социальной ценности обозначаемых ими объектов или просто для иронии, шутки: *дермокрааты*, *демокрады*, *дубинки-демократизаторы*; *прихватизация*, *прихватизаторы*; *полная ваучеризация всей страны* (по прежнему образцу: *полная индустриализация*, *полная коллективизация всей страны*), *Ваучера на хуторе близ Диканьки*; Такая порода собак: *ваучер*; у тебя — пинчер, а у меня — ваучер (последние два примера — из передачи «Тема» — телевидение, 22 сент. 1992).

Вместе с другими коммуникативно актуальными словами *демократы*, *приватизация* и *ваучер* составили своего рода обойму слов (равных по семантике), являющуюся приметой времени: *реформы*, *реформировать*, *референдум*, *монетаризм*, *суверенитет*, *конверсия*, *экология*, *криминогенный*, *наркомания*, *наркобизнес*, *мафия*, *рэкет*, *рэкетеры* и др.

Со временем, однако, общественная актуальность понятия может утрачиваться и, соответственно, угасает коммуникативная активность обозначающего это понятие слова — как это случилось, например, с пресловутым *консенсусом*, словом, которое буквально не сходило со страниц газет и с уст политиков в самом конце 80-х годов и в процессе этого широкого употребления потеряло свою терминологическую оп-

ределенность (примеры семантических модификаций этого и других «модных» слов см. в работе [Скляревская 1991, 259]).

Особенности функционирования иноязычной лексики в современной русской речи

Для употребления иноязычных слов на страницах печати, в устной публичной речи характерны две противоположные тенденции: с одной стороны, новое заимствование или термин, до этого известный главным образом специалистам, употребляются без каких бы то ни было «переводов» на русский язык, комментариев, оговорок и т. п., как бы в расчете на достаточную осведомленность и квалификацию читательской (слушательской) аудитории, а с другой, такие же слова и даже давно функционирующие в русском языке заимствования могут становиться объектом комментариев и авторских рассуждений.

Пример первого рода — вхождение в широкий оборот ряда коммерческих и финансовых терминов: *бартер*, *брокер*, *инвестиция*, *клиринг*, *дилер*, *дистрибьютер*¹⁰, *монетаризм* и др., политических, дипломатических, медицинских и т. п. терминов: *импичмент*, *уотергейт*, *урангейт*, *лобби*, *инаугурация*, *денонсация* (договора), *спичрайтер* (автор речей какого-нибудь высокопоставленного лица), *акупунктура*, *дианетика*, *апитерапия* (лечение пчелиным ядом), *фобии* (страхи), *хи-леры* (филиппинские лекари), *экстракорпоральное оплодотворение* (выращивание человеческого плода в пробирке) и т. п.

Пожалуй, никогда прежде так широко не вливалась в общий речевой оборот иноязычная лексика, обозначающая реалии, которые до недавних пор считались принадлежностью иного, «буржуазного» мира, — теперь же эта лексика наполняется своим, «отечественным» содержанием: ср. такие слова, как *казино*, *крутые*, *кабаре*, *мафия*, *мафиози*, *проституция*, *проститутка*, *наркомания*, *порнография*, *порнобизнес* (илюс образования, созданные на русской языковой почве: *порнуха*, *порнушник*, *порнятина* и т. п.). Слово *гастарбайтер*, еще совсем недавно казавшееся несомненной принадлежностью «их» действительности, уже входит в нашу речь как обозначение понятия, свойственного российской реальности; ср.: ... граждане пока предлагаемыми им суммами довольны: 300 тыс. российских рублей — это, как ни крути, несколько миллионов карбованцев. Как говорят жители Украины, за эти деньги шахтеры неделями из-под земли не вылезают. «Гастарбайтеры» с Украины, как их уже «любовно» прозвали в Москве, пред-

почитают российские рубли менять на доллары и отвозить их на родину... Российские работодатели (как те, что оформили свои отношения с гражданами Украины официально, так и те, кто этого не сделал) пока *гастарбайтерами* довольны. Один из руководителей подразделения Московской железной дороги так и сказал: «Буду брать на работу только хохлов. Они не пьют, на работу ходят как часы, морду от работы не воротят» (Сегодня, 29.03.94).

Толерантное отношение к иноязычным лексическим элементам выражается в еще одном явлении, характерном, как кажется, именно для 90-х годов: иноязычные слова и обороты становятся названиями газетных заголовков, постоянных (идущих из номера в номер) рубрик; иногда даже сохраняется иноязычное написание этих элементов. Ср., например, такие названия рубрик и заголовки в московских газетах («Сегодня», «Московский комсомолец», «Независимая газета», «Московские новости», «Вечерняя Москва», «Вечерний клуб» и нек. др.): *Бомонд*, *Ноу-хау*, *Брифинг*, *Эпицентр*, *Форс-мажор*, *Шоу*, *Презентации*, *Тинейджер*, *Хит-парад*, *Криминал*, *Резонанс*, *Триллер*, *Монитор*, *Эксклюзив*, *Хеппенинг*, *Киднеппинг*, *Видеодайжест*, *Видеовью* (по аналогии с *интервью*), *Extra!* (о сенсационных криминальных случаях), *Underground* (о неформальном искусстве), названия телепередач Центрального, Российского и Московского телевидения: *Бомонд*, *Пресс-экспресс*, *Пресс-клуб*, *Ретро-шлягер*, *Бизнес-кард*, *Экспресс-камера*, *Экспокурьер*, *Fashion News* (новости моды) и др.

Вторую тенденцию можно проиллюстрировать разного рода авторскими комментариями к употребляемой иноязычной лексике, которые, в силу их метатекстового характера, можно рассматривать как своеобразное нарушение автоматизма речи: говорящий останавливает свое внимание на форме высказывания, на способе выражения, что для большинства «нормальных» речевых актов весьма необычно (если исключить некоторые виды речевого общения лингвистов, у которых автоматизм речи нарушен по чисто профессиональным причинам).

В период вхождения иноязычного элемента в речевой оборот довольно обычны случаи перевода слова или термина на русский язык, его разъяснения:

Каждый в Латвии сегодня знает значение слова *апатрид*. Это человек, не имеющий гражданства (Российская газета, 03.03.94); «Рыбацкие новости» сообщают, что в моду входит *целибат*, то есть половое воздержание мужчин (Подмосковные известия, 17.03.94); В переводе с языка «бухгалтерского» *акцепт* означает подтверждение предприятия-потребителя о получении им заказанной продукции.

Акцептовано — значит принято, принято — значит оплачено (Советская Россия, 21.02.88); Что такое иератизм? На этот вопрос многим ответить затруднительно. А *иератизм* — это ... знак опоток. Так раскрывает значение этого слова художник Михаил Шварцман, который назвал свою выставку, открывшуюся в Третьяковской галерее на Крымском валу, «Иературы» (там же); Профессиональный *киллер*. По-русски — убийца (Семь дней, 1993, № 30); Это слово стало обиходным для народов десятков стран мира. Дословно «зомби» означает «живой мертвец». Понятие это пришло с острова Гаити, где существовал да, пожалуй, и поныне существует целый культ «зомби» (Советская Россия, 17.02.88); Теперь что касается боевиков, или, как их называют [в Армении], — *фидайнов* (защитников народа)... (Аргументы и факты, 1990, № 31).

Иногда такой перевод осуществляется с помощью другого иноязычного слова, чуждость которого говорящими уже не ощущается. Ср. характерный пример: *Спонсоры*, или, по-русски говоря, *меценаты*, видят свою задачу в том, чтобы... (телекомментатор, 16.03.93).

Нередки также комментарии пишущего (говорящего) по поводу употребительности того или иного иноязычного слова, источников его происхождения, его статуса в русском языке и т. п. Например:

В последние годы, во времена величайших парадоксов и *катаклизмов* — одно из любимых ныне обиходных словечек — порой уже черное выглядит белым, безнравственное нравственным и наоборот (В. Астафьев, С карабином против прогресса. — Известия, 01.05.91); Но он [писатель В. П. Некрасов] должен был сказать о бое капитана Абросимова и об этой, как теперь выражаются, *альтернативе* (В. Кардин. Явление капитана Абросимова. — Независимая газета, 02.02.91); Одно из самых модных словечек нашего времени — «*ретро*» (Российская газета, 02.02.94); Профессора Стивена Хэнка, апостола «разгосударствления», бывшего экономическим советником у генерала Пиночета, а затем у президента Рейгана, принято считать и автором термина «приватизация». Но сам эксперт по части изживания государственного сектора в экономике полагает, что *приватизация* — слово французское... (Курьенты, 1991, № 86); ... термин «приватизация», появившийся, как утверждают, в 1972 году на страницах французского еженедельника «Нуфель обсерватор», никогда не был в таком ходу, как сейчас (там же).

Одним из свидетельств широкой употребительности и успешного вхождения в русский язык иноязычных слов, в том числе и специальных терминов, являются случаи переносного, метафорического использования их в необычных контекстах. Такого рода употребление иноязычной лексики характерно прежде всего для языка газеты. Ср. словосочетания типа: *телевизионный марафон, реанимация российской экономики, ангажированная пресса, политический боюнд, стагнация души, рейтинг вранья* (обычно слово *рейтинг* употребляется только применительно к лицу: *рейтинг шахматиста, рейтинг политика*), *пакет программ*¹¹, а затем и еще более широко: *пакеты предложений, пакеты дипломатических инициатив* и т. п.

Приведенные примеры могут создать впечатление перенасыщенности современной русской речи иноязычными словами. На первый взгляд это действительно так. Недаром носители языка нередко остро реагируют на появление в употреблении незнакомых им слов и терминов, протестуя против «засилья иностранщины» (что, кстати, было во все эпохи значительных социальных преобразований, начиная с времен Петра Первого и кончая нашими днями).

На самом деле надо говорить об известной *р а с п р е д е л е н н о с т и* иноязычных слов — по функциональным стилям и речевым жанрам. В наибольшей степени ими насыщены газетные и журнальные тексты, в особенности те, что касаются экономики, политики, спорта, искусства, моды (но, например, в статьях, посвященных бытовым проблемам, новые заимствования довольно редки). В устной публичной речи — например, в радио- и телеинтервью, выступлениях в парламенте — употребление иноязычных слов-неологизмов (или недавних специальных терминов) чаще, чем в письменных текстах, сопровождается оговорками типа: *т а к н а з ы в а е м ы й м о н е т а р и з м*, *к а к т е п е р ь п р и н я т о в ы р а ж а т ь с я*, *п р е з е н т а ц и я* и т. п., поскольку, ориентируясь на массового слушателя, говорящий ощущает эту связь с ним более остро и непосредственно, нежели автор газетной или журнальной статьи.

Обиходная речь не испытывает сколько-нибудь заметного наплыва иноязычных слов, и это понятно: будучи по большей части словами книжными, заимствования и употребляются главным образом в жанрах книжной речи¹².

Поскольку иноязычная лексика представляет собой такой лингвистический объект, на котором перекрещиваются самые различные социальные оценки как самого процесса заимствования, так и конкретных заимствованных слов, — заслуживают внимания и изучения с социолингвистической точки зрения различия в отношении

иноязычным словам, особенно новым. Здесь имеют значение такие характеристики говорящих, как возраст, уровень образования, род профессиональных занятий. Наблюдения показывают, что имеется некоторая зависимость между разными значениями этих характеристик, с одной стороны, и оценками иноязычной лексики с другой: 1) с возрастом уменьшается терпимое отношение к заимствованиям: чем старше носитель языка, тем менее вероятна его толерантность в этом отношении (и, напротив, возрастает вероятность резко отрицательной оценки иноязычных инноваций); 2) с повышением уровня образования речевая адаптация новых заимствований происходит легче; 3) представители гуманитарных профессий в целом более терпимы к иноязычной лексике, чем люди, профессионально не связанные с языком, с культурой, однако здесь возможно и более сложное отношение к заимствованиям: профессионал может не замечать иноязычности терминов, обслуживающих его собственную специальность, и негативно реагировать на иноязычную терминологию в других сферах деятельности и общения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В разные эпохи роль проводников новой иноязычной лексики в общем употреблении могут играть разные социальные группы говорящих. Так, в XVIII в. первенство в этом отношении принадлежало дипломатам, и «язык дипломатии в этот период по степени насыщенности иноязычными заимствованиями не имел себе равных» [Биржакова и др. 1972, 296]; к концу XVIII — началу XIX вв. возрастает роль разговорного языка ученых, писателей, журналистов как особой среды, «перерабатывающей» заимствования; в конце XIX — начале XX вв. в процессе распространения новых заимствований несомненная заслуга принадлежит таким социальным группам, как политические и общественные деятели, члены политических кружков, профессиональные революционеры (представители этих групп нередко являлись и переводчиками на русский язык западных философских и экономических сочинений).

В XX в. на первое место в иерархии сфер, проводящих в язык новые заимствования, выходит пресса, а с середины столетия — еще и радио и телевидение. Соответственно, такие социальные группы носителей языка, как журналисты-международники, радио- и телекомментаторы и репортеры, переводчики-синхронисты своей речевой практикой способствуют проникновению в общий оборот новых иноязычных слов (см. об этом [Крысин 1993, 141—145]).

² Впрочем, можно говорить о некоторой двойственности отношения носителей языка к иноязычным словам: в чужой речи они нередко раздражают, а в своей собственной кажутся уместными и нужными или же могут употребляться без ясного осознания того факта, что это — «иностранщина».

³ В «Словаре иностранных слов» 1964 года издания *плюрализм* толкуется как «ложное идеалистическое учение, утверждающее, будто в основе мира лежит множество самостоятельных, независимых духовных сущностей». В «Современ-

ном словаре иностранных слов» (1992 г.) в этом слове выделено три значения: 1) первого (только что процитированного) толкования убраны оценочные компоненты ('ложное идеалистическое', 'будто'); 2) один из фундаментальных принципов устройства правового общества, утверждающий необходимость многообразия субъектов экономической, политической и культурной жизни общества; 3) множественность, многообразие чего-л., напр. мнений, взглядов, форм собственности.

⁴ Выделяя роль периодической печати в популяризации новых иноязычных слов, А. Д. Швейцер справедливо считает эту роль универсальной для многих современных обществ и языков. Сопоставляя употребление иноязычной лексики в американской и в советской прессе, он пишет: «... в характере заимствований, в их источниках и в их функциональном использовании проявляются различия... Так, если в англо-американской прессе подавляющее большинство заимствований связано с реалиями зарубежных стран, а их употребление часто мотивируется передачей местного колорита, то значительная часть заимствований в советской прессе отражает новые реалии и новые понятия и заполняет денотативные и сигнификативные лакуны» [Швейцер 1993, 64].

Однако, как показывают наблюдения (некоторые их результаты приводятся в этом разделе), русский язык современности заимствует не только наименования новых реалий и новых понятий, но и другие типы иноязычных номинаций.

⁵ Толкования даны по «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой (М., 1992).

⁶ Толкование дано по «Современному словарю иностранных слов» (М., 1992).

⁷ См.: Краткий словарь современных понятий и терминов. Сост. Н. Т. Бунимович и др. М., 1993.

⁸ Нерасчлененность объекта может пониматься как буквально (например, как материальная целостность предмета), так и в более широком смысле: можно говорить о целостности отрезков времени, целостности понятий, представлений и т. п.

⁹ Заметим, что появление этого слова обусловлено и социально: в современной России иная, по сравнению с СССР, система выборов — с несколькими кандидатами на одно депутатское место, с конкуренцией между ними, с различиями в статусе разных избирательных округов и т. п.; ничего этого не было в прежней избирательной системе — и было неактуально говорить о каком-либо электорате.

¹⁰ Как известно, на начальных этапах освоения иноязычных слов может наблюдаться вариативность их формы. Это отражается в написании и произношении заимствований: ср. *дистрибутор* — *дистрибьютор* — *дистрибьютер*; *сканнер* — *сканер*; *леггинсы* — *леггенсы* — *легинсы* — *легенсы*; *киднэппинг* — *киднэппинг* — *киднэппинг* и т. д. (подробнее см. об этом в работе [Тимофеева 1992]).

¹¹ Калька с английского оборота *package programs*. Авторы одного из последних (1991 г.) изданий словаря «Brewer's Dictionary of 20th-Century Phrase and Fable» считают этот оборот новым и для английского языка.

¹² Иное дело — кальки. Они могут употребляться и в обиходной речи, и «иностранные происхождение» никому не ведомо: их облик ничуть не напоминает иноязычные слова, а внутренняя немотивированность значения может беспокоить разве что лингвистов.

Таково, например, жаргонное, но все более широко употребляющееся и в литературном языке слово *крутой* — в контекстах типа *крутой парень*, *крутые ребята*. Это — семантическая калька с английского прилагательного *tough*, которое среди многочисленных своих значений имеет и такие: 'грубый, крутой', 'гангстерский; преступный, хулиганский', сленговое 'замечательный, классный' (см. ВАРС, т. 3, 537).

По другой версии, *крутой* — калька с английского прилагательного *cool*, которое в буквальном смысле значит 'прохладный, свежий', а в переносных — 'хладнокровный'; 'дерзкий, нахальный' (см. об этом Brewer's Dictionary, 119).

Обе версии представлены в словарной статье КРУТОЙ, помещенной в [Земская, Розина 1994].

ЛИТЕРАТУРА

- Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л., 1972.
- Грачев М. А., Гуров А. И. Словарь молодежных сленгов. Горький, 1989.
- Елистратов В. С. Словарь московского аргю (материалы 1980—1994 гг.). М., 1994.
- Земская Е. А., Розина Р. И. О словаре современного русского жаргона. Принципы составления и образцы словарных статей // Русистика (Берлин). 1994, № 1—2.
- Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968.
- Крысин Л. П. Языковое заимствование как проблема диахронической социолингвистики // Диахроническая социолингвистика. Под ред. В. К. Журавлева. М., 1993.
- Новый большой англо-русский словарь. В 3-х тт. Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 1992—1994.
- Рожанский Ф. И. Сленг хиппи. Санкт-Петербург — Париж, 1992.
- Скляревская Г. Н. Состояние современного русского языка. Взгляд лексикографа // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Ч. 1. М., 1991.
- Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 80—90-е годы XIX века. М., 1965.
- Тимофеева Г. Г. Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект). Автореферат дисс. доктора наук. Санкт-Петербург, 1992.
- Файн А., Лурье В. Все в кайф! Lena Production. 1991.
- Швейцер А. Д. Контрастивная стилистика. Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках. М., 1993.
- Brewer's Dictionary of 20th-Century Phrase & Fable. London, 1991.
- Sulan B. Zu einigen Fragen des Bilinguismus // Slavica. Debrecen. 1963. Bd. 3.
- Weinreich U. Languages in Contact. Findings and Problems. 2nd ed. The Hague, Mouton, 1963.